

Ольга БАЛЛА

В НАЧАЛЕ ПАМЯТИ

К выходу книги: О поэзии Василия Бородина: эссе и исследования. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – 85 с.

У небольшого сборничка, вышедшего в Воронеже стараниями одного из его авторов, литературоведа и критика, доктора филологических наук, профессора филологического факультета Воронежского государственного университета Александра Житенёва, – особенный статус: он захватывает теоретическую мысль о совсем недавно умершем поэте и художнике на самом начальном этапе её становления, в стадии ранней кристаллизации (и у этого этапа есть свои особенности, на что ещё непременно обратят внимание коллеги-литературоведы). Черновик будущих теорий, эта книга, скорее, книжечка, – первая попытка определить место Василия Бородина (1982–2021) в истории русской культуры, подобрать инструменты для анализа его как явления, и делится на две примерно равные части – эссеистическую и теоретическую. Сейчас понятно – и заявлено сразу на уровне аннотации к сборничку – что слово «выдающийся» по отношению к Бородину – не преувеличение (впрочем, масштаб поэтической личности Бородина был ясен уже при его жизни и задолго до трагического финала), но в природе и устройстве сделанного им предстоит ещё разобраться. Как сказал автор эссе, открывающего книгу, Сергей Сдобнов, «память только начинается».

Авторы сборника, конечно, ищут и создают теоретический инструментарий для адекватного его понимания, но до академических в полной мере подходов ещё далеко: инструментарий тут готовится для того, что, кажется, совсем ещё не готово ни стать достоянием доцента, ни подвергнуться инструментальной обработке: всё до сих пор ещё живо, близко и больно. Практически все авторы книги в той или иной степени знали Бородина лично, чувствуют отвлечённые рассуждения о нём принципиально недостаточными, – поэтому и открывает книгу, задаёт ей тон именно эссеистический раздел. По преимуществу он – о Бородине-человеке, о его личности, неотделимой от его поэтической работы; но не только – первые подступы к теоретическому моделированию сделанного Бородиным, отчасти художественными, образными средствами, есть и здесь. (Вот, например, как говорит поэт и литературный критик Валерий Шубинский о его поэтической эволюции, сравнивая Бородина совсем раннего и более позднего, 2014–2015 годов: «Смысловая ткань не уплотнилась. Но из нее исчезли все случайные элементы – просто оказались сдуты, рассеяны этим внутренним молодым ветром. Который, заметим, сам по себе больше и не был нужен, он рассеялся, интонации теперь разрешено было стать более спокойной и даже расслабленной. Речь не стала речью о чем-то конкретном <...>, не стала речью о речи, но стала речью о бытии – об его первоосновах. И казавшиеся хрупкими, невесомыми, почти обесмыслившимися слова выдержали груз такого говорения».) Из эссеистического раздела взят и публикуемый ниже текст, написанный специально для анонсируемой книги автором этих торопливых строк.

Кажется также, что включение в сборник – ещё прежде аналитических статей – текстов принципиально субъективных (а то и прямо личных), образных и эмоциональных, полных угадываниями и предположениями куда в большей мере, чем уверенными утверждениями, очень сродни самому Бородину – с его чутким вниманием ко всему вопросительному, предположительному, неготовому, неуловимому, сиюминутному. В значительной степени эта книжица – ещё и личный разговор каждого из нас (да, теоретиков тоже) с ним, очень многое понимавшим, а угадывавшим, думаю, и того больше.

Оставленности просим мы

Василий Бородин: попытка понимания

Поэт Василий Бородин, о котором по сию минуту не поворачивается язык говорить в прошедшем времени, на протяжении многих лет выращивал особенное поэтическое видение, потребное для особенной поэтической онтологии. Мне сейчас трудно судить о том, насколько это был умышленный, то есть рационально сконструированный проект; куда больше, кажется, это похоже на интуитивное улавливание принципов такого видения – улавливание, которое опережает построение рациональных моделей, а может быть, и само понимание, давая, в свою очередь, пониманию основу.

Бородин-поэт говорит, кажется, изнутри (парадоксальной на первый взгляд) позиции одновременно принципиального непонимания всего видимого («Я людей и природу понимаю одинаково плохо, – говорил он в одном из интервью, – нахожусь от них на равном расстоянии и смотрю, по сути, снизу вверх») – и максимального доверия этому непониманию, отказа подминать его под хоть сколько-нибудь заготовленные понятийные модели; принципиальной же открытости.

В соответствие такому видению (собственные стихи он как-то и назвал «видоискателями») Бородин пестовал собственный язык, идиолект, – причём не только в стихах как таковых, но и за их пределами, – свою манеру речи о мире вообще. В этом отношении он очень целен: в основе его поэтической и – точнее всего будет сказать, околопоэтической речи – одни и те же принципы словосоединения, смыслообразования, – в рабочем порядке назовём их принципами мгновенного родства, образного короткого замыкания. «...Стишок устроен как движение, как череда каких-то трансформаций: так чаще было в ранних стихах; сейчас получаются скорее «окна дОма» – что-то пространственное, глядящее на простой покой; новые стихи скорее растут из (плюс-минус) внутренней ясности, чем летят к ней, дав самим себе пинка», – так объяснял он свою поэтическую практику в давнем интервью «Русскому журналу». И ведь совершенно понятно, что он имеет в виду, стоит только войти в предложенный им режим видения, – даром что «так не говорят». Это особенная ясность: ясность, опережающая культурные условности.

То есть – та, с которой прежде всего и работает поэзия.

Бородин заговаривает о мире как его первоописатель – для того и выращивает новый адამический язык. Размечает мир первичными линиями. Для того и плавится речь, образуя формы, чуткие к новому видению:

*в земной тёмной многости занемочь
от счастливой сплошности ты-следов
разнемОчь о зрячьсть их, о «помочь»
и пойти ведОм*

У такого мировидения, при всей его неумышленности, есть внятно прослеживаемая структура.

У Бородина почти нигде нет «я», фиксированной и привилегированной точки зрения. Исключения – есть, но редки, – как, например, в стихотворении из книги «Мы и глаза», давшем название всему сборнику, – «мы и глаза франчески». Вначале это «я», как будто даже не традиционное лирическое, а попросту автобиографическое, заявляется там в режиме прямой речи: «америку я считаю / просто духовной родиной...» и недолгое время упорствует в своём наличии: «а я умею америку петь / а я умею всё отражать...», – чтобы затем, вскоре, начать растворяться: «а я не знаю, где я и где не я».

И вот это утверждение как раз принципиально: Бородину важно этого не знать. Ему важно познать «собственную ненужность как перебежки / пЫли степной».

Его поэзия совершенно лишена воли к самоутверждению и чуть ли не самой, кажется, позиции авторства. Тут – позиция скорее не автора, но того самого, вынесенного в название одной из книг «пса»: внюхивание в мир, вчувствование в него всем телом, память-знание всем телом о своей в этом мире малости и уязвимости.

Но обратная сторона этой уязвимости – всевосприимчивость («а я умею всё отражать»). Бородину нужно зрение-вообще, исходящее ниоткуда и отовсюду, подстерегающее вещи в их первозданной явленности. (К такому зрению, если уж искать местоимений, ближе «мы», чем «я», – впрочем, и «мы все одна / робкая бесследность».)

Бородин не то чтобы работает с первоматериями: то есть, что с первоматериями – совершенно несомненно, а вот слово «работа» здесь, пожалуй, не подойдет. В этом слове чересчур много усилия, преодоления, напряжения, насилия, в конце концов, над естеством, – и всё это – состояния, Бородину-поэту совершенно, кажется, чуждые. У него, похоже, вообще нет преобразующих намерений по отношению и к миру, и к слову. Это утверждение (по крайней мере, в отношении слова) может показаться странным до неверности при наличии у Бородина собственного идиолекта, но он, скорее, позволяет языку самому преобразовывать себя. Как говорил поэт всё в том же интервью «Русскому журналу» (именно благодаря этому тексту 2012 года мне стало ясно, как его понимать, – до тех пор непривычно-ясный Бородин казался тёмным) в ответ на вопрос, «материал» ли для него язык и чувствует ли он неподатливость этого материала: «Язык – собеседник, Великая Амёба, лучший друг, у которого, в отличие от меня, есть слух, голос, желание (то есть призвание!) что-то спеть – но которому, как свинцовые подошвы водолазу, для чего-то нужны мои персональные отчаяния, надежды, любви и трам-пам-пам. Никто никому не материал, просто два бойца».

В случае Бородина вернее было бы говорить о чутком вслушивании и всматривании, о первоощупывании мира внимательным, сочувствующим, чуть удивлённым и всепринимающим взглядом. Тут – всё событие, всё важно: и «битый кирпич», и «тряпка в ветках», и «какая-то кость в траве».

Конечно, Бородин улавливал словесными средствами дословесное, глубокие дословесные, пред смысловые движения (чего? мировосприятия ли, самого ли мира?), и когда говорил – как цитировал интервьюировавший его Владимир Коркунов – что «поэзия должна отходить от слов», он не так уж и шутил, как сам настаивал. В его разновидности речи слова – при всей их важности – вторичны и прозрачны: сквозь них просвечивает то, что куда больше их – и перед лицом чего так естествен (постоянный у Бородина) жест самоумаления, одна из основ его этики.

А он, да, этичен. На уровне не деклараций (как сказал в своём некрологе ему Лев Оборин, он не проповедовал), но основных расположений.

Удивительным образом – и, опять же, без всякого усилия и насилия уже над самим собой – Бородин умудряется совмещать резко-индивидуальный взгляд на всё воспринимаемое и естественно-смирненную позицию. Она проявляется, в частности, в бережном обращении со словами: им позволено образовывать прихотливо-индивидуальные сочетания («скоро старание времени, север ветра», «природа старящаяся в водяной свет»), но происходит это у них совсем естественно, даже легко – как будто всегда было. Бородин им доверяет, следует за ними.

Хочется даже сказать, что это – «бедная» поэзия (высокой бедностью, приводящей на ум, например, бедность Франциска Ассизского), стремящаяся к самоумалению, к максимальной прозрачности – и тем самым расширяющаяся до пределов целого мира.

*пой вместе с нами пой горячо
как яростная листва
кружением просит: зимы-зимы
оставленности просим мы*